
ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА

УДК 316.25

DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

ДАВЫДЕНКО В.А.*, АНДРИАНОВА Е.В.**, ЧЕРНЕНКО А.С.***
КУДА СТРЕМЯТСЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ СОЦИОЛОГИЯ,
АНТРОПОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ И ПСИХИАТРИЯ: КРИТИ-
ЧЕСКИЙ АНАЛИЗ (ОБЗОР МЕЖДУНАРОДНОГО ХЭНДБУКА
ROUTLEDGE ПО ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОЙ ГУМАНИТАРНОЙ
НАУКЕ. Часть 2)

Аннотация. Во второй части обзора представлено продолжение анализа фундаментальной тематики и ключевых идей Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке для исследователей-гуманитариев. Акцент сделан на ключевых идеях и нарративах, содержащих научно-мировоззренческие паттерны и установки по трем аналитическим главам – по поводу зарождения, эволюции и развертывания разных форматов экзистенциальной антропологии, психологии и психиатрии. Этот процесс является частью исторического процесса, в ходе которого

* © Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С., статья, 2024.

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; v.a.davydenko@utmn.ru

** Андрианова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой общей и экономической социологии Тюменского государственного университета, старший научный сотрудник Западно-Сибирского филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; e.v.andrianova@utmn.ru

*** Черненко Анжелика Сергеевна – магистрант Тюменского государственного университета, менеджер научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета; a.s.chernenko@utmn.ru

философия была перенесена в указанные предметные области. В то время как экзистенциальная клиническая психология, начиная с ее истоков (Ясперс и Бинсвангер) стала результатом прямого импорта, экзистенциальные антропология и психология нашли общие грани взаимодействия на основе уникальности человеческой природы и личности; здесь человек рассматривается как извечная система социально-психологического напряжения, как вместилище противоречивых влечений, мотивов и страстей. В психологии экзистенциальная философия достигала своего утверждения, в значительной степени косвенно, сквозь призму работ гуманистов, таких как Эрнест Беккер и Эрих Фромм. Что касается психиатрии, то сама идея «лечения» (treatment) стала табу для многих экзистенциально ориентированных практикующих врачей – психологов и психиатров, поскольку она предполагает особый медикализованный тип вмешательства. В этом контексте можно говорить о серьезном вызове альтернативным традициям психологии и психиатрии, которые стремятся предложить что-то иное за пределами господствующих терапевтических идеологий. Во второй части обзора выделяются сильные и сравнительно слабые стороны научных исследований, отражающие процессы зарождения, формирования, становления и развития субдисциплин экзистенциальной гуманитарной науки, анализируются возможные направления разветвления новых идей и подходов как в ближайшем, так и в отдаленном будущем.

Ключевые слова: экзистенциальная наука; экзистенциальная антропология; экзистенциальная психология; экзистенциальная психиатрия.

Для цитирования: Давыденко В.А., Андрианова Е.В., Черненко А.С. Куда стремятся экзистенциальные социология, антропология, психология и психиатрия: критический анализ (Обзор Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке. Часть 2) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 11: Социология. – 2024. – № 2. – С. 110–138. – DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

Статья поступила: 08.11.2023.

Принята к публикации: 05.12.2023.

DAVYDENKO V.A.****, ANDRIANOVA E.V.****, CHERNENKO A.S.****

* Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 2)

Abstract. The second part of the review article presents a continuation of the analysis of the fundamental topics and key ideas of the international Routledge Handbook on existential humanities for an audience of humanities researchers. The emphasis is placed on key ideas and narratives containing scientific and ideological patterns and attitudes in three analytical chapters – on the origin, evolution and deployment of various formats of existential anthropology, psychology and psychiatry. This process is part of the historical process during which philosophy was transferred to the specified subject areas. While existential clinical psychology, since its origins in Jaspers and Binswanger, has been the result of direct import, existential anthropology and psychology have found common fields of interaction based on the uniqueness of the human species and the individual; each person is regarded here as an eternal system of socio-psychological tension, as a receptacle of contradictory drives, motives and passions. In psychology as an existential study, philosophy achieved its affirmation largely indirectly through the work of humanists such as Ernest Becker and Erich Fromm. Speaking of psychiatry, the very idea of “treatment” has become anathema to many existentially focused practicing psychologists and psychiatrists, since it involves a special medicalized type of intervention. This rigid context poses serious challenges to alternative traditions of psychology and psychiatry, which seek to offer something different beyond the prevailing therapeutic ideologies. The second part of this review highlights the strengths and comparative weaknesses of sci-

**** Davydenko Vladimir Aleksandrovich – Doctor of Sociology, Professor, Head of the Research Center of Tyumen State University; v.a.davydenko@utmn.ru

***** Andrianova Elena Vladimirovna – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Senior Researcher at the West Siberian Branch of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences; e.v.andrianova@utmn.ru

***** Chernenko Anzhelika Sergeevna – Master's Student of the Department of General and Economic Sociology of Tyumen State University, Manager of the Research Center of Tyumen State University; a.s.chernenko@utmn.ru

entific research, reflecting the processes of origin, formation and development of subdisciplines of existential humanities, analyzes possible directions for the deployment of new ideas and approaches both in the near and distant future.

Keywords: existential science; existential anthropology; existential psychology; existential psychiatry.

For citation: Davydenko V.A., Andrianova E.V., Chernenko A.S. Where existential sociology, anthropology, psychology and psychiatry strive: a critical analysis (Review of the Routledge international handbook of existential human science. Part 2). Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11: Sociologiya [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 11: Sociology]. – 2024. – N 2. – P. 110–138. DOI: 10.31249/rsoc/2024.02.08

Received: 08.11.2023.

Accepted: 05.12.2023.

Во второй части обзора подробно анализируются следующие главы Международного хэндбука Routledge по экзистенциальной гуманитарной науке: «Экзистенциальная психология» (Д. Салливан, А. Гoad и Х. Дж. Шмитт) [Sullivan, Goad, Schmitt, 2023], «Антропология как экзистенциальное исследование» (Х. Уордл) [Wardle, 2023], «Экзистенциальная психиатрия и психотерапия» (Х. Спэндлер и Ф. Томас) [Spandler, Thomas, 2023]. Кроме того, авторы этого обзора посчитали и важным и возможным, исходя из анализируемых научных текстов и контекстов, добавлять по мере необходимости сопоставления, подходящие для указанных случаев, материалы из Всемирного справочника Wiley по экзистенциальной терапии, в котором указывается, что большинство школ экзистенциальной терапии используют исходные идеи экзистенциальной философии и, как выяснилось, делают это по-разному [The Wiley world handbook ... , 2021, p. 18].

В главе «Экзистенциальная психология» Дэниела Салливана, Алексиса Гоуда и Харрисона Дж. Шмитта рассматриваются неоднозначные отношения между психологией и экзистенциализмом. Экзистенциализм – одно из главных направлений философии, наиболее подходящих, по мнению авторов главы, в качестве основы для психологии. Авторы главы исследуют экзистенциальные

темы в том виде, в каком они проявляются в двух областях – клинической и социальной психологии. Экзистенциализм ставит перед клинической психологией свои собственные задачи и ценные вопросы, например такой: «Что значит для “патологического” индивида “адаптироваться” к господствующему обществу?» Они видят достаточно конструктивные и многообещающие перспективы синтеза психологии и экзистенциальной философии. Так, Серен Кьеркегор как основоположник экзистенциализма был, помимо всего прочего, не только теоретиком в области исследования личности, но и клиническим психологом, а Фридрих Ницше – идеологическим предшественником психоанализа и выдающимся исследователем в области психологии культуры. Параллельные ментальные связи продолжали прослеживаться по мере того, как психология оформлялась в профессию и дисциплину в начале XX в.; например, феноменологический метод Эдмунда Гуссерля, представляющий собой разновидность описательной, или качественной психологии, глубоко повлиял на все траектории развития экзистенциальной традиции. Интерпретируя отклонения от психологической «нормальности» с помощью феноменологических, эмпатических методов, Карл Ясперс заложил сами основы для современного синтеза клинической психологии и экзистенциализма, а Людвиг Бинсвангер объединил в единой структуре – Dasein-анализ – психоанализ как первую современную психотерапевтическую технику и новаторскую онтологию существования Мартина Хайдеггера. Жан-Поль Сартр и Симона де Бовуар, вероятно, последние «гиганты» экзистенциализма, непосредственно занимались психологией, включая социальную психологию, топологическую и векторную психологии, теорию поля Курта Левина, исследуя закономерности взаимодействия между индивидом и общим полем (или окружающей средой) и психоанализом.

Салливан, Гоад и Шмитт отмечают, что экзистенциализм из всех систем и идей в философии наиболее близок к психологии. В широком смысле их естественная близость проистекает из того факта, что экзистенциализм является философским эквивалентом психологической науки (точнее, психологии и антропологии вместе взятых). Во многих отношениях экзистенциализм представляет собой психологизацию философии, поскольку он не только ориентирует философию на психологические темы, но и раскрывает

психологические истоки философских и идеалистических мировоззрений и систем. Сходство также проявляется в стремлении экзистенциализма исследовать «воплощенную самость» в конкретных ситуациях и исследовать различные психологические переживания эмоций и возбуждения (страх или благоговейный трепет), а также защитную реакцию и подавление (ресентимент, т.е. чувство обиды, враждебности к тому, что субъект считает причиной своих неудач, бессильная зависть, тягостное осознание тщетности попыток повысить свой социальный статус и т.п.). Хотя объект познания кажется идентичным как для психологии, так и для экзистенциальной философии, структура этого знания, по словам авторов описываемой главы, имеет совершенно различные формы. Психология разделена на клиническую практику и эмпирические исследования. Исторически такое разделение создавало проблемы и ставило вопросы о том, могут ли такие взаимоотношения быть логически согласованы с эмпирической эпистемологией или нормативной практикой. Экзистенциальная философия уделяет большее внимание вопросам личной аутентичности и ответственности. Как эти элементы могут быть рассмотрены наукой и психологической практикой? Как наука и практика могут справиться с этими элементами? Взаимодействуя с экзистенциализмом, клиническая психология сталкивается с вопросом о том, что значит для «патологического» индивида адаптироваться к господствующему обществу; и социальная психология сталкивается с вопросом о том, что в итоге теряется, когда мы научно сводим индивидуальный опыт к статистическому среднему значению. Несмотря на наличие продуктивного диалога между экзистенциальной философией и психологией, эти ключевые вопросы остаются в значительной степени нерешенными. Они указывают на то, что точку соприкосновения между этими подходами можно переформулировать в «проблематизированных» терминах: если экзистенциализм на самом деле является философией «существующего» индивида, то что он может добавить к психологии, чтобы сделать ее экзистенциальной? Представляется более разумным считать, что экзистенциальная психология – это такое направление, которое разделяет с экзистенциальной философией фундаментальные принципы: уникальность человеческой природы и личности; неразрывность телесной / рациональной составляющих личности и

социального контекста, в котором он находится; свобода и ограниченность жизненного опыта индивида. Однако эти темы были по-разному восприняты различными областями экзистенциальной психологии.

Общепризнанные современные подходы к экзистенциальной терапии берут свое начало в Dasein-анализе Людвига Бинсвангера [Binswanger, 1942] и Медарда Босса [Boss, 1982] – первой психотерапевтической технике, которая подробно разрабатывала сущностные черты пространственного бытия, временного бытия, бытия-настроения, бытия-события, бытия-телесного, бытия-смерти. Эти «экзистенции» проявляются в отдельных «экзистенциальных людях» (existential peoples) как особые феномены, которые может наблюдать врач у своих больных в их здоровых, ненарушенных, а также болезненных и ослабленных выражениях.

В логотерапии (буквально: исцеление смыслом), теорию которой разработал Виктор Франкл [Frankl, 1985], экзистенциальный анализ представляет собой не что иное, как поиски смысла. Причем смысл, который он ищет, является конкретным, его конкретность обусловлена уникальностью каждой личности и неповторимостью каждой ситуации. Всегда должен находиться такой смысл, реализовать который может конкретный индивид. Экзистенциальный анализ охватывает человека во всей его целостности, включающей в себя не только психофизиологические свойства человеческого организма, но и духовно-личностные составляющие. Экзистенциальный анализ доходит до неосознаваемой духовной глубины. Франкл практиковал психотерапевтический метод нахождения смысла во всех экстремальных ситуациях жизни, даже самых страшных, тем самым создавая стимул к продолжению жизни. Исследователь повторял, что его экзистенциальный анализ – это не анализ экзистенции; скорее, экзистенциальный анализ у него представлял собой экспликацию экзистенции, т.е. такой процесс, в результате которого открывается содержание некоторого единства, а его части могут отличаться одна от другой. Сама экзистенция тоже себя эксплицирует таким образом, что раскрывает себя, «разворачиваясь» в процессе жизни. Франкл применял здесь метафору раскатываемого ковра: как раскатываемый ковер открывает свой неповторимый рисунок, так по процессу жизни, по ее развитию мы считываем саму «суть» индивида. В этом случае Франкл очень

приближается к пониманию цели Dasein-анализа, поскольку приверженцы этого подхода также говорят о том, что экзистенцию нельзя анализировать в привычном смысле этого слова, для них Dasein-анализ есть артикуляция структуры существования пациента с целью ее раскрытия до максимально полной реализации возможностей.

Общим для всех этих оригинальных школ был тот факт, что их основатели имели свой опыт психоанализа, причем они всячески стремились переориентировать психопатологию и терапию с медико-биологических моделей на феноменологическое понимание того же невроза как своеобразной попытки пациента найти смысл перед лицом потенциальной бессмысленности. Dasein-анализ был основан на хайдеггеровском понятии «заброшенности» (thrownness) – для описания индивидуального существования людей как «брошенных» в мир; это стало новым пониманием психического заболевания: сталкиваясь с вызывающим тревогу переживанием серьезных жизненных потрясений, пациент компенсаторно реагирует, «фильтруя мир» в терминах жестких дихотомий «или – или» («все вокруг меня либо люди, либо животные, друзья или враги»; «либо я морю себя голодом, либо меня никто не полюбит»). Современный Dasein-анализ по сути дела адаптирует классические психоаналитические техники с целью интерпретации более широкого экзистенциального значения проблем, которые пациенты компенсаторным образом сводят к симптомам. Логотерапия также дает возможность пациенту опереться на когнитивные техники для противостояния психологическим «блокам» в его жизни. Способы, с помощью которых эти ранние школы переосмысливали понятие сознания, были ключевыми для экзистенциальной психотерапии: в отличие от фрейдистских идей о центральной роли бессознательного, они двигались к более распределенному, относительному и волевому пониманию разума. Такие взгляды, в свою очередь, предполагали, что терапия – это не столько процесс выявления подавленных мыслей, сколько предоставление пациенту новых интерпретаций и взглядов на мир. Эти принципы постепенно трансформировались в самые разнообразные экзистенциальные терапии, которые различаются по критериям измерения – в зависимости от того, выступают ли они за глубокое феноменологическое понимание опыта клиента или считают

этот опыт сформированным конфронтацией с экзистенциальными реальностями.

Также авторы главы пишут об экзистенциально-гуманистической психологии, которая возникла в североамериканской терапевтической практике во многом благодаря влиянию Ролло Мэя [May, 1977]. Подход, основанный на синтезе экзистенциализма и психоанализа, в дальнейшем слился с гуманистической психологией, представленной Абрахамом Маслоу и Карлом Роджерсом. На этот процесс оказал существенное влияние Отто Ранк, который расширил гуманистическое измерение психотерапии, начав опираться на идеи Фридриха Ницше и др. Экзистенциально-гуманистическая терапия, замечают авторы главы, представляет собой экзистенциализм как фундаментальную ориентацию, которая может быть совместима со стратегическим использованием более традиционных терапевтических методов (когнитивно-поведенческих). Терапевты в этой традиции были склонны рассматривать индивидов как страдающих от тревог, возникающих из-за определенных экзистенциальных «данностей» (например, смерти, ограничений свободы и самовыражения), на которые они реагируют характерными защитными реакциями-паттернами. Экзистенциальная ориентация проявляется в интенсивном исследовании отношений между клиентом и терапевтом и того значения, которое они имеют для жизни клиента вне терапии. Экзистенциально-феноменологическая психология – традиция, связанная с Великобританией и Европой, которая изначально опиралась не на немецкую «философию существования», а на труды Р.Д. Лэйнга [Laing, 1965]), призванные соединить психоанализ и позднюю феноменологию Сартра и Мерло-Понти. В отличие от экзистенциальных гуманистов, Р.Д. Лэйнг (параллельно с Фуко) участвовал в радикальных попытках переосмыслить безумие как нечто, коренящееся в социальной структуре. Его исследования по терапии укрепили аспекты экзистенциальной практики, которые широко распространены в настоящее время: речь идет о необходимости понимать опыт пациента на его собственных условиях (а не в свете упрощенных теорий) и выявлении на глубинном уровне стандартных защитных позиций больного. В последнее время, благодаря работам Эмми ван Дюрзен [The Wiley world handbook ... , 2021] и Эрнесто Спинелли [Spinelli, 2006], экзистенциально-феноменологи-

ческая терапия возвращается к действенно-аналитическим корням экзистенциальной психологии. В отличие от экзистенциально-гуманистической терапии, этот подход помогает клиентам прояснить фундаментальные принципы и мотивы собственной жизни, поскольку те соотносятся с различными уровнями бытия (материальный, личный и социальный) [Adams, 2019]. С этими движениями непосредственно было связано также возрождение того, что называется феноменологическими психиатрическими исследованиями и теорией. Ученые в этой области реконструировали взгляды на феноменологию Ясперса и Бинсвангера в качестве основополагающего способа научного познания в клинической психологии [Fuchs, Messas, Stanghellini, 2019]. Обычно для переработки данных клинических исследований и интервью используются качественные методы с опорой на достижения клинической психологии за последнее столетие и на новейшие разработки в области когнитивной нейронауки [Ratcliffe, 2015]. Исследователи нередко обращаются к сравнительному анализу проявлений психопатологии, уделяют внимание психологическому опыту в философских работах об аффекте и пр. [Ratcliffe, Stephan, 2014].

Если клиническая психология – это наука и практика облегчения психологических страданий, то экзистенциальная клиническая психология предлагает множество практических приемов в контексте конкретной индивидуальной жизни. Как говорилось выше, экзистенциальная наука фокусируется не только на изучении конкретного индивида, но и предлагает исчерпывающее исследование «данностей» человеческого существования в целом. Эмпирическое документирование и исследование этих «данностей» является задачей экзистенциальной социальной психологии. Одним из наиболее заметных вкладов экзистенциально обоснованных исследований в лучшее понимание психологии было исследование временной последовательности защитных действий в ответ на угрозы. Теория управления террором (terror management theory) основывается на ранних психоаналитических теориях подавления и экзистенциальных идеях о недобросовестности. В теории управления террором такая последовательность называется моделью двойной защиты, включающей как проксимальную, так и дистальную защиту от осознания угрозы смерти. Когда мысли о смерти присутствуют в сознании, защитные реакции на них явля-

ются более непосредственными (проксимальными) и снижают угрозу [Handbook of terror management theory, 2019]. Например, это проявляется в повышенном стремлении соблюдать диету, активно заниматься физическими упражнениями и т.п. [Arndt, Schimel, Goldenberg, 2003]. Хотя это и несколько «поверхностные», но, по-видимому, рациональные действия, которые сводят к минимуму угрозу смерти и смягчают сопутствующие негативные эмоции. Однако, даже когда мысли о смерти больше не находятся в центре внимания индивида, когнитивно активируются средства защиты, которые называются «дистальными»; они плавно компенсируют угрозу смерти, укрепляя символические источники безопасности (посредством «защиты» мировоззрения, за счет стремления к самоуважению и т.п.) [Subliminal exposure ... , 1997]. Благодаря новаторскому сочетанию старых экзистенциальных философских идей с новыми эмпирическими методами, теория управления террором способствовала развитию экзистенциальной социальной психологии [Sullivan, Palitsky, 2018]. Опираясь на механизмы психологической защиты, люди пытаются защищать себя от различных типов психологических угроз, включая страх смерти, неуверенность и пр.

Защитные механизмы укрепляют близкие отношения, поддерживают на должном уровне самооценку и формируют осмысленный взгляд на мир. Джосайя Харт выделяет три основных источника экзистенциальной угрозы и защиты – межличностные отношения, самоуважение и культурное значение / мировоззрение [Hart, 2014]. Важность здоровых межличностных отношений для правильного психологического функционирования неоднократно подчеркивалась психологами – от теории привязанности (attachment theory) до идеи о предполагаемой врожденной человеческой потребности принадлежности (need to belong theory) [Baumeister, Leary, 1995]. Ощущение сродства и «принадлежности» к окружающим людям и сообществу приводит к позитивной самооценке и психологическому благополучию [Ryan, Deci, 2017]. Более того, было доказано эмпирически, что психологическая безопасность личных отношений действует как защита от экзистенциальных угроз [Florian, Mikulincer, Hirschberger, 2002]. В рамках социальной психологии широко изучается самооценка индивида и исследования управления террором (terror management theory). Основная

причина глубокого влияния теории управления террором на экзистенциальную психологию заключается в том простом факте, что осознание своей смертности влияют на психическое и физическое здоровье человека, на формирование его идентичности и межличностные отношения. Теория управления террором (terror management theory) может использоваться как теоретическая линза для ответа на ряд важных для человека вопросов. Почему люди отрицают свою биологическую природу? Что заставляет людей причинять вред другим и себе? Почему самооценка является таким мощным мотивом? Почему люди стремятся к богатству и попадают под сильное влияние медиа? Почему люди религиозны и с чем связан их национализм [Handbook of terror management theory, 2019, p. XXI]? Исследования в этой сфере экзистенциальной психологии показали, что укрепление позитивной самооценки индивида может смягчить последствия страха смерти. Ключевой принцип теории управления террором описывает людей как стремящихся избегать ужаса неизбежной смерти и представляющих себя «хорошими» членами значимой для них общности; если представления / ожидания человека о себе и мире что-то нарушает, он может ответить агрессивной защитной реакцией [Heine, Proulx, Vohs, 2006]. Однако индивид нередко компенсирует тревогу, укрепляя другую область «личной» безопасности (например, за счет приверженности социальной группе и близкой человеку идеологии). По сути, эта теория была разработана для объяснения стремления людей к самоуважению и человеческой склонности к межгрупповым конфликтам; по словам исследователей, чувство собственной значимости смягчает обеспокоенность смертью и создает ощущение символического и / или буквального бессмертия [Hart, 2014, p. 21].

Теория самоопределения (self-determination theory) Ричарда Райана и Эдварда Деси, напротив, не акцентируется на экзистенциальных угрозах и утверждает, что люди естественным образом мотивированы к личностному росту [Ryan, Deci, 2017]. Эта теория разделяет идею экзистенциальной философии о том, что мотивация, с которой индивид совершает определенное действие, имеет не меньшее значение, чем само действие. Подобно тому как Мартин Хайдеггер, например, проводил различие между подлинными и неподлинными (неаутентичными) мотивами участия в повсе-

дневной деятельности, теория самоопределения предполагает, что люди могут совершать одно и то же действие либо по внутренним, либо по внешним причинам. Когда мы занимаемся внутренне мотивированной деятельностью, мы выполняем действие в зависимости от нашего собственного испытываемого желания сделать это, а не в результате внешних по отношению к нам обстоятельств (например, давления со стороны сверстников или финансовых стимулов). Кроме того, согласно этой концепции, люди будут процветать и заниматься более внутренне мотивированной деятельностью до тех пор, пока будет удовлетворена их потребность в «связанности» (relatedness), компетентности и автономии. Подобно тому, как воздух, вода и солнечный свет способствуют росту растения, социальные и культурные ситуации могут способствовать способности человека действовать в соответствии со своими внутренней мотивацией и жизненным опытом. Дефиниция связанности / родственности относится к потребности в чувстве принадлежности к своей социальной группе, а также в объединении с членами этой группы для достижения общих или сходных целей. Развитие взаимных позитивных, поддерживающих отношений способствует самоопределению личности, закладывая надежную основу для развития других базовых психологических потребностей в компетентности и автономии.

Автономия предполагает ощущение того, что индивид действует по своему желанию и воле, а не по воле внешней силы (неавтономной или контролируемой). Действия индивида в любой конкретной ситуации можно интерпретировать как автономное или контролируемое – в зависимости от функционального значения, придаваемого ситуации действующим лицом. В то же время личные и социальные ситуации, которые снижают у людей чувство родства, компетентности и автономии, или их способность действовать в соответствии со своими внутренними мотивами мешают психологическому благополучию и личностному развитию [Ryan, Deci, 2017]. Следует особо подчеркнуть, что теория самоопределения во многом опирается на идеи, взятые из работ Кьеркегора, Ницше, Хайдеггера, Сартра, Фанона, де Бовуар. Авторы анализируемой главы отмечают, что внешние факторы воздействия на психику индивида – это прежде всего влияние институтов современной капиталистической, глобальной и (пост-) колониаль-

ной социальной системы. Полная и всеобъемлющая картина мира возможна лишь при объединении главных идей экзистенциальной социальной психологии о диалектической взаимосвязи между экзистенциальными угрозами и свободой [Existential threat ... , 2020].

Резюмируя изложенное в главе «Экзистенциальная психология», важно отметить, что по сравнению с другими форматами экзистенциальной науки о человеке экзистенциальная психология обладает уникальными преимуществами и недостатками. Прежде всего, важно признать относительную дисциплинарную изолированность экзистенциальной психологии: мы еще не видели крупную работу по экзистенциальной психологии, в которой цитировались бы, например, классические работы по экзистенциальной социологии Джека Дугласа и Джозефа Котарбы, идеи которых были рассмотрены в первой части обзора; экзистенциальные психологи не опираются на экзистенциальную антропологию Майкла Джексона [Jackson, 1996 ; Jackson 2012] или Альберта Пиетта [Piette, 2015 ; Piette, 2016]. Наблюдается и некоторая изоляция друг от друга направлений внутри экзистенциальной психологии. Экзистенциальная клиническая психология остается несколько маргинальной по сравнению с той огромной инфраструктурой обучения, исследований и практики, которые ориентированы на биомедицинскую модель, а об экзистенциальной социальной психологии только совсем недавно стали писать в учебниках. Но обеим субдисциплинам удалось создать прочные «ниши» в рамках основной дисциплины, характеризующиеся сотнями практиков, крупными, яркими научными работами (включая популярные книги и выступления в прессе), а также научными и профессиональными сообществами, мероприятиями и пр. Поэтому можно говорить о том, что экзистенциальная психология заняла свое место внутри более широкой дисциплины и была официально признана ею. Вместе с тем не произошло полноценного и конструктивного взаимодействия между феноменологическими психиатрическими исследованиями и экзистенциальной психотерапией. Их потенциальная интеграция могла бы породить новое направление в экзистенциальной клинической психологии, завершают свои размышления авторы главы [Sullivan, Goad, Schmitt, 2023, p. 23–26].

В главе «Антропология как экзистенциальное исследование» Хьюон Уордл [Wardle, 2023] задается вопросом, почему вообще

экзистенциализм имеет отношение к антропологии. Для ответа на этот вопрос следует вспомнить, как именно возникла антропология исторически, и как постепенно менялись ее цели и ценности. Антропология возникла из идеи Иммануила Канта о людях как свободно действующих существах. При этом решающее значение имеет то, что люди создают свободно и самостоятельно и что обычно называется культурой. Кант интересовался способностью человека создавать культурное пространство вокруг себя, а также то, как мы творчески создаем себя «из культуры» [Kant, 2006]. Начав изучать свободно действующее человеческое существо, Кант открыл пространство для развития экзистенциалистской мысли. В последовавшую за этим эпоху «научного расизма» (scientific racism) XIX в. гаитянский антрополог Антенор Фирмин не упустил из виду рассуждения Канта, подчеркнув, что все люди стремятся не только быть свободно действующими существами, но и пытаются создавать себя и мир вокруг различными способами. Задача антропологов – следить за подобными движениями разумного самопознания. Фирмин также отмечал, что сам Кант делал расистские замечания, которые подрывают его принципы понимания антропологии [Firmin, 2002, p. 325]. Хотя антропология времен Фирмина классифицировала некоторые народы как «превосходящие» все остальные и не была лишена предрассудков, сложность создания антропологии кантианского типа обусловлена, как указывала Мэри Дуглас, тем, «насколько трудно постоянно осознавать ответственность человека за создание собственной среды обитания» [Douglas, 1973, p. 5]. Это в равной степени относится и к антропологам, и их изысканиям, и, собственно, к любому другому человеку.

Антропология начинается с описания того, что человек на самом деле знает и действительно делает на практике, включая смешанный набор привычек, правил жизни, представлений, которые каждый из нас имеет, накапливает и делится с другими. Таким образом, человек в антропологии является не «чистой» метафизической сущностью, а скорее, как выразился Кант, «кривым деревом», из которого «никогда не было сделано ничего прямого» [Kant, 1988, p. 2]. Как этнографический наблюдатель, по афористичному выражению Раймонда Фарта, антрополог всегда находится в центре социального мира и взаимодействий, которые он

надеется объяснить, т.е. является своеобразной «движущейся точкой в потоке деятельности» [Firth, 1952, p. 22]. С этой точки зрения, антропологи не могут заранее определить то, что они будут изучать: они должны фокусироваться на самых разных людях с их своеобразными и уникальными привычными картинами мира. А ведь, по словам Найджела Раппорта, даже когда два человека делают «одно и то же» дело, реализованные ими проекты никогда не будут одинаковыми [Rapport, 2002, p. 395–397]. Таким образом, в центре внимания экзистенциальной антропологии находится самобытность каждого изучаемого человека и та специфика, с которой он конституирует себя и свой мир. Экзистенциализм корректирует отправную точку Иммануила Канта. Все начинается с осознания человеком собственного Я и конечности своего существования; мы пытаемся переосмыслить и перестроить себя для самих себя и для других, организовать наше место в мире и создать новые смыслы из хрупкой данности уникального для каждого субъективного опыта [Appiah, 2018].

Аналитической основой экзистенциальной этнографии является ситуация (situation) (любая человеческая ситуация) и то, как биографические жизненные проекты или жизненные миры участников артикулируются в ней из их собственных свободных действий и повествования. Экзистенциальные этнографы считают полезным разбить эти проблемы на три взаимосвязанных вопроса: «Из чего я делаю себя и во что я превращаюсь (по отдельности)?»; «Из чего они делают себя из и во что они превращаются (отдельно)?»; «Из чего мы делаем (создаем) самих себя и во что мы превращаемся (вместе)?» Как утверждает Симона де Бовуар, экзистенциальное исследование имеет смысл только в том случае, если мы настаиваем как на свободе, так и на случайности, подразумеваемой в этом процессе создания себя: «[только] ... свобода других удерживает каждого из нас от затвердевания до абсурда фактичности» [Beauvoir, 1997, p. 17]. Для экзистенциального антрополога эта свобода, о которой идет речь, состоит в способности продолжать конституировать жизненный мир – по отдельности, по отношению друг к другу и совместно с другими. Эта свобода приходит с пониманием того, как структура и смысл одного жизненного мира неизбежно «вмешиваются» в структуру и смысл жизни других людей, «переплетаясь» с ними; они «запутываются» и, следова-

тельно, деформируются и трансформируются в миры других – бездумно, бескорыстно, сопереживающе, агрессивно, с любовью и иными способами. В этом отношении антропологии также полезно понимать одного человека – *Аnyone* («кого угодно») – например, показывая взаимосвязанные жизни многих людей.

По сути, автор главы «Антропология как экзистенциальное исследование» последовательно проследил путь эволюции антропологических идей: от кантовского представления о том, что люди как свободно действующие существа делают сами себя из самих себя, а также результатов полевых исследований Малиновского – к версии антропологии, описанной Альфредом Геллом [Gell, 1996 ; Gell, 1998], согласно которой задача антропологии заключается в том, чтобы сформулировать биографический «жизненный проект» актора. По мнению Уордла, современной антропологии надо освободиться от объективизма и не видеть в людях лишь носителей безличной культуры, на которых отпечатаны «культурные образцы». Экзистенциальная антропология в этом плане дает соответствующий пример, фокусируясь на автобиографическом «почерке» любого индивида как своеобразном способе вписать себя в мир. Добавление прилагательного «экзистенциальный» к антропологии напоминает нам о ключевых задачах антропологии: понять уникальность жизненных миров и проектов, показать, из чего они создаются, и исследовать ситуации, в которых они приобретают биографический смысл. Как показал Эдмунд Гуссерль, только осознав себя особенностью (сингулярностью) в «сообществе всех сосуществующих монад» [Husserl, 1960, p. 139], человек получает представление о деформациях или искажениях, которые его собственная жизнь привносит в жизни других (и наоборот) в космополитизирующемся мировом сообществе, становясь со-конструкторами в строительстве мира. В этом свете необходимо «постоянно осознавать свою ответственность за создание нашей среды обитания» [Douglas, 1973, p. 15].

В главе «Экзистенциальная психиатрия и психотерапия» Спэндлер и Томас отмечают, что всегда существовал значительный, хотя и маргинальный интерес к экзистенциальному в психологических дисциплинах – в психиатрии, психологии, психотерапии и смежных областях психического здоровья [Spandler, Thomas, 2023]. Экзистенциальное мышление заключается не толь-

ко в том, чтобы опираться на философские принципы, так как все подходы к охране психического здоровья основаны на той или иной системе философии, независимо от того, признается это явно или нет. Экзистенциальное мышление также дало возможность увидеть безумие и страдание как нечто значимое и понятное, как некое выражение отношения человека к себе, к другим и к миру. Тем самым экзистенциальная философия часто использовалась для разработки более критического или, по крайней мере, менее медикализованного подхода к охране психического здоровья. Экзистенциальное мышление и практика были в первую очередь связаны со способом бытия человека в мире и общения его с другими людьми. Выражение «бытие-в-мире» (being-in-the-world) взято из философии Мартина Хайдеггера [Heidegger, 1962] и относится к способу, посредством которого человеческий опыт находится в отношении к миру, особенно (но не исключительно) к социальному миру. Его работы оказали влияние на более широкую область медицины [Ано, 2018], в то время как глава Спэнндлера и Томаса посвящена использованию экзистенциального мышления и практики в британской психиатрической помощи и во многом основана на интервью с ключевыми информантами, которых они определили как представителей экзистенциальной традиции в сфере психического здоровья Великобритании.

Имеется немного свидетельств явного экзистенциального мышления или практики в социальной работе в области психического здоровья или в сфере ухода за психическими больными в Великобритании. Хотя некоторые учебники по социальной работе кратко упоминают экзистенциализм, и в них прослеживаются попытки применить идеи Сартра к социальной работе, существует мало репрезентативных данных его влияния в практике социальной работы в области психического здоровья. И хотя идеи Р.Д. Лэйнга, безусловно, оказали влияние на социальную работу в 1970-е годы, их влияние на социальную работу в области психического здоровья сегодня нельзя назвать сильным. Несмотря на то, что между дисциплинами экзистенциальной психиатрии и экзистенциальной психотерапии достаточно общего, авторы главы подходят к их анализу отдельно.

Исторически сложилось так, что многие психиатры проявляли интерес к философии, пытаясь понять затруднительное поло-

жение человека, особенно парадоксы и конфликты, с которыми сталкиваются люди, считающиеся психически больными. Более того, философские идеи повлияли на основы современной психиатрии благодаря работам немецко-швейцарского психиатра и философа Карла Ясперса. Он изучал психиатрию в Гейдельберге и в 1913 г. опубликовал первое издание «Общей психопатологии». Этот текст оказал влияние на психиатрию благодаря попыткам описать, понять и объяснить переживания безумия. Хотя после этого Ясперс оставил психиатрию, чтобы сосредоточиться на философии, в его четвертом издании «Общей психопатологии» были представлены многие идеи из экзистенциальной философии, разработанной им в 1930-х годах. Пытаясь подойти к человеческому опыту объективно и научно, Карл Ясперс обратился к феноменологии Эдмунда Гуссерля. Существуют противоречивые интерпретации философии Гуссерля (как, кстати, и Ясперса), причем некоторые считают, что он поддерживал «некартезианский» взгляд на духовный мир человека. Критики утверждали, что Ясперс использовал феноменологию главным образом как инструмент для изучения внутреннего мира пациента и для попытки утвердить психиатрию как научный проект [Bracken, Thomas, 2005]. Это, по их предположению, выдавало более тщательно продуманный герменевтический экзистенциальный проект. Например, хотя Ясперс признавал важность значения и контекста, феноменология, по его мнению, не имеет отношения к значению; она имеет дело с «формой» психиатрических переживаний, а не с их значимыми связями. Это предполагает рациональный взгляд на сознание пациента, рассматривающий переживание как отдельную сферу, которая может быть описана отдельно от мира, в который оно встроено. Иными словами, субъективный мир пациента рассматривался как нечто, что может быть проанализировано, классифицировано и описано вне какого-либо контекста. Субъективная сфера человека отделена не только от истории его жизни или жизненных нарративов (повествования), но и от тела, переживающего это. Следовательно, психиатр сталкивается с ментальным миром пациента в отрыве от совокупности прожитой тем реальности. Деконтекстуализированный взгляд на феноменологию закрывает возможность понимания смысла и значимости переживаний, которые оформляются как психические заболевания. Подход «отделения личности

от контекста» (separation of person from context) характерен не только для англоязычной психиатрии, но и для русскоязычной.

Изучение понимания и смысла лежат в основе более критических экзистенциально ориентированных подходов к психиатрии, пишут авторы главы. Швейцарский психиатр Людвиг Бинсвангер привнес экзистенциальные идеи в психиатрию и разработал форму экзистенциального анализа, известную как Dasein-анализ. Другой швейцарский психиатр Медард Босс продолжил развивать этот подход, но критически отнесся к подходу, разработанному Бинсвангером.

Несмотря на эти различия, Dasein-анализ продолжает оказывать определенное влияние в Европе. Работы экзистенциального психиатра и человека, пережившего Холокост, Виктора Франкла, в частности, его классический текст «Человек в поисках смысла», опубликованный в 1946 г. [Frankl, 1985], оказали большое влияние, особенно в США и в его родной Австрии, где хорошо известна экзистенциальная терапевтическая традиция логотерапии [Bangle, Klaassen, 2019]. Логотерапия опирается на экзистенциальную идею Кьеркегора о том, что людьми движет «воля к смыслу» (will to meaning), в противоположность идее Фрейда о том, что ими движет «воля к удовольствию» (will to meaning), или более ницшеанской идее о «воле к власти» (will to power) Альфреда Адлера. Середина XX в. отмечена развитием экзистенциально-гуманистической традиции, представленной Ролло Мэем, который был соредактором книги «Существование: новое измерение в психиатрии и психологии» [May, Angel, Ellenberger, 1958]. Один из учеников Мэя Ирвин Ялом оказал сильное влияние на экзистенциальную и групповую аналитическую терапию в Европе, включая Великобританию. В более общем плане экзистенциальная мысль прочно ассоциируется с континентальной философией, особенно с Хайдеггером, Сартром и Мерло-Понти, а также с работами Ницше и Кьеркегора XIX в. В свою очередь Томас Сзасз, американский психотерапевт австрийского происхождения и откровенный критик психиатрии, разработал экзистенциальный подход к терапии, который фокусировался на индивидуальном выборе и автономии и отвергал идею психического заболевания в пользу идеи «проблем в жизни» (problems in living); этот термин впервые использовался американским психиатром Гарри Салливаном [Evans, 1996] и поз-

же был подхвачен Томасом Сзасзом. К 1960-м годам в психиатрии еще оставалось пространство для экспериментов и инноваций за пределами ее парадигмы.

Наряду с развитием яркой контркультуры, связанной с ростом новых социальных движений в конце 1960-х – начале 1970-х годов, в психиатрии стала возможна более радикальная форма экзистенциального мышления, по крайней мере на некоторое время. Этот прорыв часто ассоциировался с работой шотландского психиатра-радикала Р.Д. Лэйнга, который обычно рассматривается как человек, который ввел основные положения европейской традиции экзистенциальной феноменологии в британскую психиатрию. Благодаря Лэйнгу и южноафриканскому «антипсихиатру» Дэвиду Куперу экзистенциальные идеи некоторое время процветали в Британии в 1960-х и 1970-х годах. Книга Лэйнга «Разделенное Я: экзистенциальное исследование здравого смысла и безумия» [Laing, 1965] (впервые опубликована в 1960 г.) была особенно популярна среди студентов и контркультурных левых. В нее Лэйнг включил сложные идеи как из экзистенциализма, так и из психоанализа, сделав их доступными для более широкой аудитории. Эта книга до сих пор пользуется большой популярностью. Даже один из самых ярких критиков Лэйнга Питер Седжвик оценил его монографию за то, что она, применив экзистенциальный подход к психическим заболеваниям, «как ни удивительно, помогла прояснить и то, и другое» [Sedgwick, 2022, p. 94]. Лэйнг и Купер пытались воплотить свои идеи на практике путем создания групп экзистенциально информированных терапевтических сообществ (existentially informed therapeutic communities) для людей, испытывающих экстремальные психические состояния. Например, организация так называемой Виллы 21 в больнице Шенли была попыткой Дэвида Купера превратить психиатрическое отделение для молодых людей с диагнозом шизофрении в терапевтическое сообщество. Кроме того, в 1965 г. Лэйнг стал соучредителем Филадельфийской ассоциации, которая основала терапевтическое сообщество в Кингсли-Холле, общественном центре в Восточном Лондоне. Идея состояла в том, чтобы создать места для людей с тяжелыми психическими расстройствами, где крайние проявления болезни можно было бы переживать, рассматривая как потенциальное экзистенциальное путешествие, а не просто лечить до уст-

ранения тревожных симптомов. Филадельфийская ассоциация сыграла ключевую роль в истории и развитии экзистенциализма психического здоровья в Великобритании и позже создала несколько терапевтических сообществ для людей с хроническими долгосрочными проблемами психического здоровья. Позже Дж. Берке написал два рассказа о путешествии сквозь безумие с Мэри Барнс, которая впоследствии стала самым известным шизофреником, проживающим в Кингсли-Холле; эта книга позже была экранизирована Дэвидом Эдгаром [Edgar, 1979]. С тех пор об их терапевтических отношениях было написано много [Charman, 2020]. Позже, в 1970 г., Берке стал соучредителем Ассоциации беседок, одного из ответвлений Филадельфийской ассоциации, занимающихся организацией кризисных центров. Алек Дженнер, психиатр из Шеффилда, заинтересовавшись работой Лэйнга, создал журнал *Asylum: the magazine for democratic psychiatry* (ныне журнал *Radical mental health magazine*), а позже под его редакцией была опубликована коллективная монография «Шизофрения: болезнь или некоторые способы быть человеком?» [Schizophrenia, 1993]. Несмотря на то, что идеи Лэйнга были очень популярны, а отдельные психиатры руководствуются экзистенциальным подходом к пациентам, работы Лэйнга оказали ограниченное влияние на общую психиатрию и государственные службы охраны психического здоровья Великобритании.

Сегодня можно говорить лишь об отдельных специалистах, работающих в рамках экзистенциальной психиатрии. Например, смогла поддержать интерес к экзистенциализму в британской психиатрии работа группы по особым интересам в области философии Королевского колледжа психиатров. Члены сети критической психиатрии (*critical psychiatry network*) в Великобритании сохранили интерес к этим идеям. Эта сеть включает в себя специалистов, которые критически относятся к доминированию биомедицинского подхода в психиатрии. Так, критически настроенные психиатры Фил Томас и Пэт Брэкен в сотрудничестве с людьми, которые слышат голоса, создали работу по герменевтической феноменологии слышания голосов, т.е. опирались на опыт, обычно рассматриваемый как симптом психического заболевания. Исследователи показали, что опыт слышания голосов может стать осмысленным, если рассматривать его в контексте истории жизни

человека [Thomas, Bracken, Leudar, 2004]. В свою очередь, в книге Саннеке де Хаан «Энактивная психиатрия» говорится о ключевой роли экзистенциального измерения в психиатрии. Исследовательница показала, что имеется широчайший спектр факторов, которые могут вызывать психические расстройства – от травматических переживаний до экзистенциальных, социальных, материальных проблем и генетических нарушений. Соответствующие факторы и их влияние на человека могут различаться не только в зависимости от диагноза, но и между людьми с одним и тем же диагнозом. В итоге была разработана теория энактивной психиатрии, которая представляет собой интегративный отчет об основных факторах, играющих роль в развитии и течении психических заболеваний [Sanneke de Naan, 2020].

Итак, авторы рассматриваемой главы достаточно хорошо проследили философско-историческую традицию экзистенциальной психиатрии и психотерапии в современной Великобритании. Несмотря на малое количество свидетельств явного экзистенциального мышления или применения экзистенциального подхода в рамках социальной работы в области психического здоровья в Великобритании (а влияние такой фигуры, как Р.Д. Лэйнг, ослабевает), по их мнению, аспекты экзистенциального мировоззрения тем не менее присутствуют в предметной области современных психиатрии и психотерапии. Однако существует потенциальный конфликт между обучением конкретным психотерапевтическим или психиатрическим методам лечения и неподвзятым исследованиям, основанным на экзистенциальном подходе.

Список литературы

- Adams M.* Existential-phenomenological therapy: method and practice // The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 167–180.
- Aho K.* Existential medicine: essays on health and illness. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2018. – 294 p.
- Appiah K.A.* The lies that bind. – New York: Liveright publishing, 2018. – 272 p.
- Arndt J., Schimel J., Goldenberg J.L.* Death can be good for your health: fitness intentions as a proximal and distal defense against mortality salience // Journal of applied social psychology. – 2003. – Vol. 33, N 8. – P. 1726–1746. – DOI: 10.1111/j.1559-1816.2003.tb01972.x

Bangle S., Klaassen D. Logotherapy and existential analysis: method and practice // The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 341–355.

Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation // Psychological bulletin. – 1995. – Vol. 117, N 3. – P. 497–529.

Beauvoir S. Introduction to “The second sex” // The second wave: a reader in feminist theory / ed. by L. Nicholson. – New York: Routledge, 1997. – P. 11–18.

Binswanger L. Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins. – Zürich: Niehans, 1942. – 726 p.

Boss M. Psychoanalysis and Dasein-analysis / transl. by L.B. Lefebre. – New York: Dacapo press, 1982. – 295 p.

Bracken P., Thomas P. Postpsychiatry: mental health in a postmodern world. – Oxford: Oxford university press, 2005. – P. 105–134.

Chapman A. “May all be shattered into God”: Mary Barnes and her journey through madness at Kingsley Hall // Journal of medical humanities. – 2020. – Vol. 41. – P. 207–228.

Douglas M. Rules and meaning. – London: Routledge, 1973. – 320 p.

Edgar D. Mary Barnes (Modern plays). – Methuen: Methuen publishing, 1979. – 80 p.

Evans F.B. Harry Stack Sullivan: interpersonal theory and psychotherapy. – London: Routledge, 1996. – 241 p.

Existential threat fuels worldview defense, but not after priming autonomy orientation / Vail K.E., Conti J.P., Goad A.N., Horner D.E. // Basic and applied social psychology. – 2020. – Vol. 42, N 3. – P. 150–166. – DOI: 10.1080/01973533.2020.1726747

Firmin J.-A. The equality of the human races. – Urbana (IL): University of Illinois press, 2002. – 470 p.

Firth R. Elements social organization. – London: Watt & Co., 1952. – 288 p.

Florian V., Mikulincer M., Hirschberger G. The anxiety-buffering function of close relationships: evidence that relationship commitment acts as a terror management mechanism // Journal of personality and social psychology. – 2002. – Vol. 82, N 4. – P. 527–542.

Frankl V.E. Man’s search for meaning. – New York: Washington square press, 1985. – 221 p.

Fuchs T., Messas G.P., Stanghellini G. More than just description: phenomenology and psychotherapy // Psychopathology. – 2019. – N 52. – P. 63–66.

Gell A. Art and agency. – Oxford: Clarendon, 1998. – 271 p.

Gell A. Reflections on a cut finger // Things as they are / ed. by M. Jackson. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 278 p.

Handbook of terror management theory / ed. by C. Routledge, V. Matthew. – Academic press, 2019. – 648 p.

Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense // Perspectives on psychological science. – 2014. – N 9. – P. 19–39.

- Heidegger M.* Being and time / transl. by J. Macquarrie, E. Robinson. – Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 593 p.
- Heine S.J., Proulx T., Vohs K.D.* The meaning maintenance model: on the coherence of social motivations // *Personality and social psychology review*. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 88–110.
- Husserl E.* Cartesian meditations / transl. by D. Cairns. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1960. – 157 p.
- Jackson M.* Lifeworlds: essays in existential anthropology. – Chicago (IL): Chicago university press, 2012. – 288 p.
- Jackson M.* Things as they are. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 288 p.
- Kant I.* “Perpetual peace” and other essays on politics, history, and morals / transl. by T. Humphrey. – Indianapolis (IN): Hackett, 1988. – 160 p.
- Kant I.* Anthropology from a pragmatic point of view / ed. by R.B. Loudon, M. Kuehn. – Cambridge: Cambridge university press, 2006. – 246 p.
- Laing R.D.* The divided self: an existential study in sanity and madness (Penguin psychology). – London: Penguin books, 1965. – 224 p. – Reprint edition.
- May R.* The meaning of anxiety. – New York: Roland press, 1977. – 376 p.
- May R., Angel E., Ellenberger H.F.* Existence: a new dimension in psychiatry and psychology. – New York: Simon & Schuster, 1958. – 456 p.
- Piette A.* Existence in the details. – Berlin: Duncker and Humboldt, 2015. – 119 p.
- Piette A.* Separate humans. – Milan: Mimesis international, 2016. – 90 p.
- Rapport N* nyone: the cosmopolitan subject of anthropology. – Oxford: Berghahn, 2012. – 238 p.
- Rapport N.* Social anthropology the key concepts. – London: Routledge, 2002. – 480 p.
- Ratcliffe M.* Experiences of depression. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 318 p.
- Ratcliffe M., Stephan A.* Depression, emotion, and the self: philosophical and interdisciplinary perspectives. – Exeter: Imprint academic, 2014. – 303 p.
- Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory basic psychological needs in motivation, development, and wellness. – New York: The Guilford press, 2017. – 769 p.
- Sanneke de Haan.* Enactive psychiatry. – New edition. – Cambridge: Cambridge university press, 2020. – 304 p.
- Schizophrenia: a disease or some ways of being human / Jenner F.A., Montorio A.C.D., Zagalo-Cardoso J.A., Cunha-Oliveria J.A. – Sheffield: Sheffield academic press, 1993. – 164 p.
- Sedgwick P.* PsychoPolitics. – London: Pluto press, 2022. – 296 p.
- Spandler H., Thomas P.* Existential psychiatry and psychotherapy // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 50–63. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Spinelli E. Existential psychotherapy: an introductory overview // *Análise psicológica*. – 2006. – N 3. – P. 311–321.

Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural worldview / Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. // *Psychological science*. – 1997. – Vol. 8, N 5. – P. 379–385. – DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00429.x

Sullivan D., Goad A., Schmitt H.J. Existential psychology // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 23–35. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Sullivan D., Palitsky R. An existential psychological perspective on the human essence // *Handbook of the human essence* / ed. by M. van Zomeren, J.F. Dovidio. – Oxford: Oxford university press, 2018. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.1

The Routledge international handbook of existential human science / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Wiley world handbook of existential therapy / ed. by E. van Deurzen et al. – New York: Wiley-Blackwell, 2021. – 656 p.

Thomas P., Bracken P., Leudar I. Hearing voices: a phenomenological-hermeneutic approach // *Cognitive neuropsychiatry*. – 2004. – N 9. – P. 13–23.

Wardle H. Anthropology as an existential enquiry // *The Routledge international handbook of existential human science* / ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 36–49. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

References

Adams M. Existential-phenomenological therapy: method and practice. *The Wiley world handbook of existential therapy*. Ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 167–180.

Aho K. *Existential medicine: essays on health and illness*. – Lanham (MD): Rowman & Littlefield, 2018. – 294 p.

Appiah K.A. *The lies that bind*. – New York (NY): Liveright publishing, 2018. – 272 p.

Arndt J., Schimel J., Goldenberg J.L. Death can be good for your health: fitness intentions as a proximal and distal defense against mortality salience. *Journal of applied social psychology*. – 2003. – Vol. 33, N 8. – P. 1726–1746. – DOI: 10.1111/j.1559-1816.2003.tb01972.x

Bangle S., Klaassen D. Logotherapy and existential analysis: method and practice. *The Wiley world handbook of existential therapy*. Ed. by E. van Deurzen et al. – Hoboken (NJ): Wiley Blackwell, 2019. – P. 341–355.

Baumeister R.F., Leary M.R. The need to belong: desire for interpersonal attachments as a fundamental human motivation. *Psychological bulletin*. – 1995. – Vol. 117, N 3. – P. 497–529.

Beauvoir S. Introduction to “The second sex”. *The second wave: a reader in feminist theory*. Ed. by L. Nicholson. – New York: Routledge, 1997. – P. 11–18.

Binswanger L. *Grundformen und Erkenntnis menschlichen Daseins*. – Zürich: Niehans, 1942. – 726 p.

- Boss M. *Psychoanalysis and Dasein-analysis*. Transl. by L.B. Lefebvre. – New York: Dacapo press, 1982. – 295 p.
- Bracken P., Thomas P. *Postpsychiatry: mental health in a postmodern world*. – Oxford: Oxford university press, 2005. – P. 105–134.
- Chapman A. “May all be shattered into God”: Mary Barnes and her journey through madness at Kingsley Hall. *Journal of medical humanities*. – 2020. – Vol. 41. – P. 207–228.
- Douglas M. *Rules and meaning*. – London: Routledge, 1973. – 320 p.
- Edgar D. *Mary Barnes (Modern plays)*. – Methuen: Methuen publishing, 1979. – 80 p.
- Evans F.B. *Harry Stack Sullivan: interpersonal theory and psychotherapy*. – London: Routledge, 1996. – 241 p.
- Existential threat fuels worldview defense, but not after priming autonomy orientation / Vail K.E. Conti J.P., Goad A.N., Horner D.E. *Basic and applied social psychology*. – 2020. – Vol. 42, N 3. – P. 150–166. – DOI: 10.1080/01973533.2020.1726747
- Firmin J.-A. *The Equality of the human races*. – Urbana (IL): University of Illinois press, 2002. – 470 p.
- Firth R. *Elements social organization*. – London: Watt & Co., 1952. – 288 p.
- Florian V., Mikulincer M., Hirschberger G. The anxiety-buffering function of close relationships: evidence that relationship commitment acts as a terror management mechanism. *Journal of personality and social psychology*. – 2002. – Vol. 82, N 4. – P. 527–542.
- Frankl V.E. *Man’s search for meaning*. – New York: Washington square press, 1985. – 221 p.
- Fuchs T., Messas G.P., Stanghellini G. More than just description: phenomenology and psychotherapy. *Psychopathology*. – 2019. – N 52. – P. 63–66.
- Gell A. *Art and agency*. – Oxford: Clarendon, 1998. – 271 p.
- Gell A. Reflections on a cut finger. *Things as they are*. Ed. by M. Jackson. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 278 p.
- Handbook of terror management theory*. Ed. by C. Routledge, V. Matthew. – Academic press, 2019. – 648 p.
- Hart J. Toward an integrative theory of psychological defense. *Perspectives on psychological science*. – 2014. – N 9. – P. 19–39.
- Heidegger M. *Being and time*. Transl. by J. Macquarrie, E. Robinson. – Oxford: Basil Blackwell, 1962. – 593 p.
- Heine S.J., Proulx T., Vohs K.D. The meaning maintenance model: on the coherence of social motivations. *Personality and social psychology review*. – 2006. – Vol. 10, N 2. – P. 88–110.
- Husserl E. *Cartesian meditations*. Transl. by D. Cairns. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1960. – 157 p.
- Jackson M. *Lifeworlds: essays in existential anthropology*. – Chicago (IL): Chicago university press, 2012. – 288 p.

- Jackson M. *Things as they are*. – Bloomington (IN): Indiana university press, 1996. – 288 p.
- Kant I. *Anthropology from a pragmatic point of view*. Ed. by R.B. Loudon, M. Kuehn. – Cambridge: Cambridge university press, 2006. – 246 p.
- Kant I. *Perpetual peace and other essays on politics, history, and morals*. Transl. by T. Humphrey. – Indianapolis (IN): Hackett, 1988. – 160 p.
- Laing R.D. *The divided self: an existential study in sanity and madness*. – London: Penguin books, 1965. – 224 p. – Reprint edition.
- May R. *The meaning of anxiety*. – New York: Roland press, 1977. – 376 p.
- May R., Angel E., Ellenberger H.F. *Existence: a new dimension in psychiatry and psychology*. – New York: Simon & Schuster, 1958. – 456 p.
- Piette A. *Existence in the details*. – Berlin: Duncker and Humboldt, 2015. – 119 p.
- Piette A. *Separate humans*. – Milan: Mimesis international, 2016. – 90 p.
- Rapport N. *Anyone: the cosmopolitan subject of anthropology*. – Oxford: Berghahn, 2012. – 238 p.
- Rapport N. *Social anthropology the key concepts*. – London: Routledge, 2002. – 480 p.
- Ratcliffe M. *Experiences of depression*. – Oxford: Oxford university press, 2015. – 318 p.
- Ratcliffe M., Stephan A. *Depression, emotion, and the self: philosophical and interdisciplinary perspectives*. – Exeter: Imprint academic, 2014. – 303 p.
- Ryan R.M., Deci E.L. *Self-determination theory basic psychological needs in motivation, development, and wellness*. – New York: The Guilford press, 2017. – 769 p.
- Sanneke de Haan. *Enactive psychiatry*. – Cambridge: Cambridge university press, 2020. – 304 p.
- Schizophrenia: a disease or some ways of being human* / Jenner F.A., Montorio A.C.D., Zagalo-Cardoso J.A., Cunha-Oliveria J.A. – Sheffield: Sheffield academic press, 1993. – 164 p.
- Sedgwick P. *PsychoPolitics*. – London: Pluto press, 2022. – 296 p.
- Spandler H., Thomas P. Existential psychiatry and psychotherapy. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 50–63. – DOI: 10.4324/9781003156697-4
- Spinelli E. Existential psychotherapy: an introductory overview. *Análise psicológica*. – 2006. – N 3. – P. 311–321.
- Subliminal exposure to death-related stimuli increases defense of the cultural worldview. Arndt J., Greenberg J., Pyszczynski T., Solomon S. *Psychological science*. – 1997. – Vol. 8, N 5. – P. 379–385. – DOI: 10.1111/j.1467-9280.1997.tb00429.x
- Sullivan D., Goad A., Schmitt H.J. Existential psychology. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 23–35. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

Sullivan D., Palitsky R. An existential psychological perspective on the human essence. *Handbook of the human essence*. Ed. by M. van Zomeren, J.F. Dovidio. – Oxford: Oxford university press, 2018. – DOI: 10.1093/oxfordhb/9780190247577.013.1

The Routledge international handbook of existential human science. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – 304 p.

The Wiley world handbook of existential therapy. Ed. by E. van Deurzen et al. – New York: Wiley-Blackwell, 2021. – 656 p.

Thomas P., Bracken P., Leudar I. Hearing voices: a phenomenological-hermeneutic approach. *Cognitive neuropsychiatry*. – N 9. – P. 13–23.

Wardle H. Anthropology as an existential enquiry. *The Routledge international handbook of existential human science*. Ed. by H. Wardle, N. Rapport, A. Piette. – Abingdon: Routledge, 2023. – P. 36–49. – DOI: 10.4324/9781003156697-4

(Окончание следует)